

УДК 130. 2:141.319.8

Артеменко Я. И.

ПРАКТИКИ RESENTIMENT В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме самоидентификации субъекта современной культуры. Автор акцентирует внимание на разграничении онтологического (фундаментального) и фактического уровня бытия культуры. Второй в условиях динамичных трансформационных процессов предстаёт как система культурных «практик», «сценариев», «стилей», основанных на принципе радикального различения и дистанцирования. Концепт resentment, заимствованный из философии Ф. Ницше, указывает на механизм и природу различий, культивируемых в эпоху глобализации.

Ключевые слова: resentment, трансформации культуры, глобализация, стиль, культурная практика, культурные универсалии.

Стаття присвячена проблемі самоідентифікації суб'єкта сучасної культури. Автор акцентує увагу на розрізненні онтологічного (фундаментального) і фактичного рівня буття культури. Другий в умовах динамічних трансформаційних процесів постає як система культурних «практик», «сценаріїв», «стилів», що ґрунтуються на принципі радикального розрізнення та дистанціювання. Концепт resentment, запозичений з філософії Ф. Ніцше, вказує на механізм і природу відмінностей, що культивуються в добу глобалізації.

Ключові слова: resentment, культурні трансформації, глобалізація, стиль, культурна практика, культурні універсалії.

The article is dedicated to the problem of self-identification of modern person. The author concentrates her attention at the necessity of differentiation of ontological (fundamental) and factual levels of cultural being. In conditions of social and historical transformations factual level appears to be a system of cultural practices, scripts and styles which are founded upon principle of radical differentiation and estrangement. The concept of resentment, which was taken from F. Nietzsche's philosophy, represents mechanism and background of differences that are cultivated in the epoch of globalization.

The keywords: resentment, cultural transformations, globalizations, style, cultural practice, cultural universalities.

*Я могу простить тебе все, кроме того,
что ты есть тот, кто ты есть;
кроме того, что я не есть то, что есть ты,
кроме того, что я – не ты.
Ф. Ницше*

Человек как «пограничное» существо склонен мыслить свое историческое бытие в категориях перехода и динамизма. Всякая эпоха, на долю которой выпадает изменение научных парадигм, радикальные технологические прорывы или обострение проблем коммуникации, позиционируется современниками как «переходная» или «новая» – в зависимости от избранных вех и динамики

переживаемых исторических процессов. Кроме того, человеческая пограничность – это еще и воля к различению, извлечению *себя* из недифференцированной тотальности «всех вместе взятых» (М. Хайдеггер) и установление новых связей в соответствии с требованиями внутренней логики события.

В зависимости от структурообразующих принципов такой логики: сознания ли субъектом своей уникальности и неприемлемости иных опытов, опора ли на универсальность человеческого вообще или отказ от каких бы то ни было центрирующих акцентов – выстраиваются конфигурации культурных отношений. Так формируются «практики», «стили», «сценарии», «стратегии» культуры, в которых отражаются принципы репрезентации ее действующих лиц. Вопросы о соотношении единства и множественности, тотального и локального выступают в качестве узловых моментов, определяющих критерии различения и отождествления в рамках определенной культурной парадигмы.

Осмыслению современной культуры как трансформирующейся, модернизирующейся и даже трансгрессирующей посвящен ряд исследований, охватывающий широкое предметное поле – от онтологии культуры до социологии и экономической теории. Эмпирическим основанием исследований в этой области стали стремительные глобализационные и информатизационные процессы современности, которые повлияли на принципы и интенсивность культурного взаимодействия, создали системы сверхсложного порядка, трансформировали деятельностные сценарии, обогатив их новыми сюжетами и смыслами. Как следствие, в центре внимания оказалась *трансформация культуры*, понимаемая трояко – в качестве культурно-исторического факта современности, который отображает состояние культуры, *феномена* (или симптома) коренной переориентации антропосоциальной парадигмы и, наконец, философско-антропологического *концепта*, призванного выразить сущность и направление новейших культурных процессов.

Методология осмысления динамики культуры требует разграничения понятий «единство» и «единообразие», «бытие культуры» и «культурная практика» и, наконец, но не в последнюю очередь, – «культурные универсалии» и «культурные стили». В этом свете использование термина «трансформации» обнаруживает проблему в самой точке приложения анализа: не всегда ясно, имеет ли он отношение к сущности культуры или к ее историческим формам, к онтологическому или фактологическому исследованию, и возможно ли обращение к уникальному факту без внимания к принципам метафизики культуры.

Совмещение, а часто и взаимное *замещение* понятий «культура» и «культурная практика» (или «культуры» – во множественном числе) – достаточно распространенная тенденция современных исследований. Так, в концептуальных работах по глобалистике (С. Хантингтон, У. Бек, З. Бауман, Э. Гобсбаум, М. Маклюен) культурные процессы описываются как трансформации в сфере *способов организации жизнедеятельности сообщества*, установленных в границах национальных или геополитических образований. Отсюда – понятия *пересечения, взаимодействия, конфликта, гибридизации* или взаимного *наслоения культур* как множественных феноменов. Такой подход обосновывает (идео-)логическое

противопоставление «монокультуры» – в качестве замкнутой тотальности, «территории подавления» (Ж. Бодрийяр), с одной стороны, и уникальных «локальных культур» – с другой.

Последовательная концептуализация такого противопоставления стирает смысловую грань между понятиями национальной, социальной или гендерной идентичности и, собственно, культуры. Поэтому культура либо представляется в качестве уникальной почвы для развертывания идентичности, либо сводится к интерпретативному сообществу, произвольно установленному пространству, которое интегрирует, консолидирует и поддерживает посредством традиции избравших его людей. В первом случае мы имеем дело с подобием ландшафта, где реализуется «бремя, приключение, игра идентичности» [4, с. 26] со специфическим историческим континуумом, в котором ситуативно отлаженная рефлексия действует по принципу различия. Во втором же – с виртуальной реальностью, *конструируемой* системой отношений и закрепленным в традиции сознанием *этнического отличия* [2, с. 48–52].

Трансформациям культуры – как локального образования в рамках глобальности (*мира, монокультуры* или *империи*) посвящены работы Э. Саида, Т. Л. Фридмана, И. Валлерстайна, В. Толстых. Исследователи анализируют различные аспекты культурных трансформаций – от факторов сближения/отталкивания культур до моделирования возможной парадигмы исторического развития, способной гарантировать равновесие между универалистскими, унитаристскими и уникалистскими тенденциями (В. Толстых).

Актуальность осмысления меняющейся культуры неоспорима. Тем больше внимания должно уделяться методологии самого обсуждения связанных этим проблем. В апреле 2012 года в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина была защищена кандидатская диссертация по теме «Трансформация культуры в условиях глобализации: философско-антропологическое измерение» [5]. Автор диссертации С. Г. Пилипенко убедительно продемонстрировала фундаментальность современных трансформационных процессов, происходящих в культуре, настаивая на том, что они имеют не просто функциональный, а сущностный характер. Основные теоретические положения работы и послужили основным стимулом для написания данной статьи.

Заявленная автором методология, основанная на плюрализме подходов, а также круг затронутых в работе проблем создает объемную картину современной культуры как сверхдинамичной многоуровневой реальности. Однако сама логика постановки вопроса о трансформации культуры как ее сущностных сдвигах способна увести осмысление проблемы в сторону микроаналитической «археологии культуры». В соответствии с этой установкой, культура берется в роли предиката, в то время как субъектом и, соответственно, точкой отсчета исследования оказывается понятие «трансформация». Именно поэтому соотношение множественности и тотальности в культуре приобретает характер парадокса, требующего своего разрешения. Практики, оказавшиеся вне формата «глобально трансформирующегося» мира, не могут быть рассмотрены как полноценные участники коммуникации, не будучи «стилизованы» в соответствии с его критериями: технологичность, динамизм, информативность, доступность, экономичность. Стил, следовательно, берет на себя функцию

своеобразного адаптера, смягчающего или наращивающего различие до пределов, необходимых для эффективного включения субъекта в коммуникацию.

Таким образом, целью статьи является установление принципа корреляции культуры и стилистики культурных практик – как на феноменальном, так и на понятийном уровне. Реализация этой цели позволила бы яснее представить перспективы более глобальных заданий, таких как выработка категорий обсуждения трансформаций культуры; анализ состояния и перспектив культуры, изучение тенденций культурной динамики в новых условиях, прояснение содержания новой антропологической ситуации.

Одним из шагов к пониманию культурной идентичности сегодня может стать обоснование концепта *ressentiment* применительно к тому способу репрезентации локальных культурных образований, который определяет их как «нетождественные самотождественности» (П. Рикер) в актуальных теоретических построениях. Ницшеанский концепт, означающий негодование и мстительное чувство обиды, используется здесь как метафора для выражения одного из принципов культурного самоопределения, свойственного современности. Всякий субъект (индивидуальный или коллективный), мыслящий себя как локальность, начинает свое позиционирование с установления дистанции между собой и «себе-не-подобными», подчиняя структуру внутреннего единства внешним отношениям. Дистанцирование использует принцип детализации различия – так нюансируется национальная или религиозная принадлежность, выявляется в качестве самостоятельного языка региональный диалект, провозглашается радикальный нонконформизм субкультуры. Возможность такого принципиального отличия достигается, как правило, внерациональными средствами: в то время как теоретическое освоение личностного или исторического опыта приводит к идее единства и недискретности культурного космоса, его эмоциональная переработка маркирует различия как следы былых «ран», «обид», «ущерба», «неоплаченного долга» и т. п.

Психологизация различия ведет к накоплению энергии *ressentiment*. Это опаснейшее, по Ф. Ницше, взрывчатое вещество, «жизневраждебная специя», парадоксально по природе и проявлению: «Мы стоим тут перед некой раздвоенностью, которая сама волит быть раздвоенной, которая сама наслаждается собою в страдании». При этом «удовольствие ищется и ощущается в неудавшемся, чахлом, в боли, в... самовольном ущербе, обезличивании...» [6, с. 405]. В примечании к работе «К генеалогии морали» К. А. Свасьян предлагает объяснение природы *ressentiment* как принципа отношения к Другому. Это «психологическое самоотравление», проявляющееся в постулировании равенства между обиженным и обидчиком, которое «реактивируется асимметрией между внутренними притязаниями и реальным положением в обществе, покоящейся на непременном постулате сравнения себя с другими», что генетически восходит к нововременному принципу конкуренции [7, с. 606]. В итоге, чем более «открыто» общество, то есть чем больше у субъекта возможностей сопоставлять себя с другими и соизмерять собственные достижения с достижениями других, тем больше поводов для ««войны всех против всех» во исполнение идеалов социальной справедливости» [7, с. 607]. Таким образом, нахождение субъекта культуры между безграничной свободой сопоставления и

требованиями собственной суверенности способно создать конфликт внутри некогда гармоничного единства «я и мои обстоятельства».

Очевидно, что в современном мире наблюдается не просто ускорение социокультурных процессов, сопровождающееся переориентацией привычных социальных связей и ослаблением традиционных регламентирующих структур. Сегодня происходит выстраивание новых социальных контекстов поверх утраченных или исторически неактуальных. Исходя из этого, можно констатировать нетождественность и даже разнонаправленность процессов, происходящих на разных уровнях бытия культуры – в ее онтологической и фактической реальности. Глобализация как новая культурная конфигурация мыслится в категориях «тотального сближения» и объединения (солидарности), в то время как линии разлома между различными интерпретациями общности и единства становятся все более радикальными.

Наращение динамических тенденций культуры особенно отчетливо заметно в антропологической сфере. Функциональная активность персонажа современной культуры (или, по слову А. Турена, *актора*) имеет широкий спектр проявлений. Во-первых, интенсификация информационных потоков, которые человек вынужден пропускать через себя, влечет за собой активное формирование механизмов защиты (фильтрации, уклонения и перенаправления информации). Как следствие, можно наблюдать формализацию участия в коммуникации, часто заменяемое симулятивным актом *потребления информации*. Во-вторых, меняется механизм культурного выбора: множественность альтернатив и скорость их развертывания делают невозможным экзистенциальный выбор как выбор самого себя. Теперь это *квазивыбор* – определение стиля или формата саморепрезентации, в процессе которого мы приобретаем «пакет» опций, регулирующих форму и меру наших общительности, потребления, креативности и т. п. в зависимости от наличного ситуативного запроса. И, наконец, в-третьих, динамичная реальность глобальной коммуникации требует от человека формирования риторических приемов захвата информационной территории – действенных рекламы, пропаганды и прогнозирования, осуществляющихся по принципу экстенсивности, аффектации, «шантажа и соблазна». Названные изменения в антропологической сфере заостряют парадокс индивидуализма – появление огромной массы автономных «актеров» приводит к тому, что «индивидуум теряет самого себя. Он теряет ... характер, самообладание, столь желанную вменяемость... Ресентимент придает творческий оттенок отказу от вменяемости: желанный Другой появляется в поле зрения, Другой, которого можно обозвать причиной своей неудовлетворенности и отвращения» [8, с. 16].

Таким образом, в условиях переизбытка информации, множащихся альтернатив и отсутствия почвы для экзистенциально обусловленного выбора основной формой индивидуализации, как и коммуникации, становится аффект. Аффект как количественное явление обладает избыточной выразительностью (*патологической пассивностью*, по И. Канту) и позволяет персонажу культуры реагировать на ситуацию и преодолевать ее, не закрепляясь в ней. Посредством аффекта выстраивается такой порядок соответствия внутреннего и внешнего, где время актуально переживаемого и некогда пережитого совпадает, а пространство, в котором

находится переживающий, распадается на «границы текста» и «границы контекста».

Безусловно, «вписывание» субъекта в ситуацию – необходимое условие культурной коммуникации: выбор формы взаимодействия задается рамками обстоятельств и произволен лишь в той мере, в какой возможно их индивидуальное прочтение¹ или, скорее, *прописывание*. Именно поэтому самоидентификацию сегодня можно ассоциировать с выбором стиля. Если под стилем (от «*стилос*» – «палочка для письма») понимать способ такого прописывания «себя для Другого», то в нем можно различить не только «выражение внутренней сущности» [5], то есть движение вовне, но и артикуляцию различий, движение вовнутрь [9].

Таким образом, вслед за М. Прустом и Ж. Делезом, можно сказать, что сущность «несвободна» в выборе формы связи, стилистический выбор субъекта всегда исторически обусловлен. Вместе с тем, подчинение человека фатальности потока событий и ощущение собственного бессилия как реакции на нее («мир уже никогда не будет таким, как до 11 сентября») – постоянно обновляющийся источник *ressentiment*'а.

Культура как фундаментальное основание человеческого существования обладает способностью снимать конфликт индивидуальности и тотальности посредством связи «внутреннего» и «внешнего», универсального и уникального. Однако взгляд на культуру как на совокупность ролевых, функциональных и технологических явлений высвечивает мир без трансценденции, пространство *принуждающего всеединства* [1].

Неудовлетворенность субъекта культуры собственной неполнотой и неустранимой фрагментированностью «контекста», необходимость соотноситься с миром и «по принуждению» реагировать на информационные провокации и соблазны, отсутствие стабильной системы координат и связей формирует поведенческую максиму: «быть означает *быть-в-стиле*». Таким образом, стилизация, «исключая экзистенциальное содержание субъекта, фиксирует лишь степень мастерства», и образует одномоментные формы, антропологические перспективы для которых ограничены следующими вариантами: конформизм «человека без свойств», симуляция самости в эмоциональном опыте страданий, боли, страха или протест или культивирование «патологической личности нарциссизма» [11, с. 43].

Поскольку стиль в культуре – проявление структурного единства выражения смыслов (или, по определению Ж. Делеза, способ установления логической связи между различными предметами «в раскрывающей их среде» таким образом, что они отражают некую общую сущность [3, с. 74]), постольку в случае «трансформации культуры» речь идет не о разломе в самой культуре, а разрыве логических связей, способных репрезентировать бытие. «Утрата большого стиля» как прозрачной целостности порождает стилистику множественности и нетождественности. Способы различения субъектов множественности варьируются: от естественной для

¹ Подобная адекватность обыгрывается авторами фрейм-теории: формат конкретной социальной ситуации экранирует ее участников от прочего (внешнего для нее) мира, что является залогом того, что актер, играющий Отелло, не будет застрелен из зала, а покупатель марок на почте не столкнется с необходимостью обсуждать свои личные проблемы с посторонними [10].

модернизирующихся сообществ обратной преемственности (в частности, обучение старших поколений младшими) – до обусловленной *ressentiment* «перевернутой» историчности (конструирование прошлого под знаком «патетического нежелания», по выражению Ф. Ницше, расстаться с переживанием дискомфорта)².

Ressentiment как «невозможность забвения» маркирует значимости, сосредотачивая силы в «болевой точке», где и создаются разнообразные модели самопозиционирования с привлечением исторической или футуристической мифологии: «Мы подарили миру достаточно (демократию, победу над фашизмом, величайшие изобретения, Великого Поэта, свои страдания) и больше ему ничего не должны». *Ressentiment* кристаллизует сущность субъекта культуры (которая, по Ж. Делезу, есть интериоризированное различие) в непримиримом противопоставлении добра и зла. Если добро, вернее, его утилитарное воплощение имеет в этом случае облик реально достижимых социальных ценностей (работы, образования, прав и свобод), то зло радикализуется, выводится на уровень непреодолимого экзистенциального ущерба: «„Зло“ означает, что наш недруг или противник враждебно отличается от нас и не пытается хотя бы немного попробовать думать, чувствовать и действовать, как мы. Таким образом, „зло“ – это то, что категорически отказывается стать одним из нас, или продолжить наше существование, став частью нашей структуры, языка, социального и морального уклада, ментальности, клише и основных обычаев. „Зло“ – это то, что мы не можем проглотить, классифицировать, ассимилировать и одновременно не в силах выплюнуть или исторгнуть...» [4, с. 162].

Таким образом, мы видим, как стиль перестает быть эстетической категорией и способом организации художественного пространства. В системе, где нет заданных схем поведения и фиксированных точек отсчета, множественность жизненных сценариев вынуждает индивида облекать свою инаковость в стиль, непримиримую несхожесть, всегда принимающую, однако, «форму сосуда». Стиль как знак «различия» тяготеет к наращиванию напряжения и позволяет участвовать в совместном «со всеми другими» интенсивном переживании единства. Однако это единство враждебности, встреча под знаком *ressentiment* – болезненной отягощенности памятью прошлого. Если обратиться к идее Ф. Ницше, ясно, что «непредвзятость в настоящем не возможна без способности к забвению». При этом под забвением не следует понимать пренебрежение историей – индивидуальной или коллективной, взятой во всей ее противоречивости и трагизме, а лишь отказ от исключительно эмоциональной, внерациональной интерпретации опыта.

Культура как человеческий мир обладает неотъемлемыми характеристиками – такими, как культурная память, которая воплощается в традиции, язык (индивидуализированное средство трансляции универсальных смыслов), онтический (предметно-вещный) горизонт, в котором происходит закрепление человека в мире в

² Если для современной парадигмы человечество, по выражению О. Конта, состоит более из мертвых, нежели из живых, то есть будущее определяется прошлым, то сегодня мы вправе констатировать обратную связь: исторические перспективы трансформируют традицию, а актуальные проблемы меняют облик прошлого.

качестве субъекта культуры. Взгляд на трансформационные процессы современности в аспекте их отношения к культурным универсалиям позволяет увидеть, что соотношения глобального и локального, универсального и единичного, реального и виртуального не имеют антиномического характера. Анализ стиля, динамики и формата культурной самоидентификации вне фундаментальных привязок конструирует ряд теоретических доминант, «уплощающих» образ человека в культуре. В связи с этим *ressentiment* представляется феноменом, понимание которого ведет к прояснению современной антропологической ситуации. Как рационализированное переживание *ressentiment* служит выражением распространенного способа самоидентификации субъекта среди «абсолютно чужих миров». Как самодовлеющая практика он указывает на отсутствие основы для интересубъективности: место интересубъективности занимает тотальность обстоятельств, вынуждающих человека обвинять и ненавидеть.

Литература:

1. Бадью А. Делез. Шум бытия / А. Бадью ; пер. с фр. Д. Скопина. — М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Логос, 2004. — 184 с.
2. Гнатюк О. Прощання з імперією: українські дискусії про ідентичність / О. Гнатюк. — К. : Критика, 2005. — 528 с.
3. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки / Ж. Делёз ; пер. с фр. Е. Соколова. — СПб. : Алетейя, 1999. — 190 с.
4. Донскіс Л. Збентежена ідентичність і сучасний світ / Л. Донскіс ; пер. О. Буценка. — К. : Факт, 2010. — 312 с.
5. Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля / А. Ф. Лосев. — К. : Collegium, Киевская академия евробизнеса, 1994. — 302 с.
6. Ницше Ф. Сочинения / Ф. Ницше. — М. : Мысль, 1990. — Т. 1. — 624 с.
7. Свасьян К. А. Примечания / К. А. Свасьян // Ницше Ф. Сочинения / Ф. Ницше. — М. : Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 604—611.
8. Пилипенко С. Г. Трансформація культури в умовах глобалізації: філософсько-антропологічний вимір : дис. ... канд. філософських наук: 09.00.04 – філософська антропологія та філософія культури / С. Г. Пилипенко. — Х., 2012. — 187 с.
9. Подорога В. Проект и опыт. Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: Сравнительный анализ стилей мышления [Электронный ресурс] / В. Подорога. — Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/statyi/podoroga1.htm>
10. Социология вещей : сборник статей / под ред. В. Вахштайна. — М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. — 392 с.
11. Устюгова Е. Н. Культура и стили / Е. Н. Устюгова // Метафизические исследования : альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. — Вып. 5 : Культура. — СПб., 1997. — С. 32—45.
12. Шаап С. Человек как мера: учение Ницше о ressentimente / С. Шаап ; пер. с гол. О. Пархомовой. — К. : Изд-во Жупанского, 2008. — 205 с.